

Артур Конан Дойл

Долина страха

*Часть сборника
Все приключения Шерлока
Холмса*

Артур Конан Дойл

Долина страха

«АСТ»

1915

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Дойл А.

Долина страха / А. Дойл — «АСТ», 1915

«— Я склонен думать... — начал я.— Думать — моя забота, — раздраженно перебил меня Шерлок Холмс. Я считаю себя одним из самых терпеливых смертных, но, признаюсь, меня задела эта язвительная реплика.— Право, Холмс, — сурово сказал я, — иногда вы бываете несносным. Холмс, поглощенный своими мыслями, не ответил...»

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Дойл А., 1915
© АСТ, 1915

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Артур Конан Дойл

Долина Страха

Часть первая

Трагедия в Бирлстоуне

Глава 1

Предупреждение

– Я склонен думать... – начал я.

– Думать – моя забота, – раздраженно перебил меня Шерлок Холмс.

Я считаю себя одним из самых терпеливых смертных, но, признаюсь, меня задела эта язвительная реплика.

– Право, Холмс, – сурово сказал я, – иногда вы бываете несносным.

Холмс, поглощенный своими мыслями, не ответил. Завтрак его оставался нетронутым, он сидел, подперев голову ладонью, и пристально разглядывал вынутый из конверта листок. Потом взял конверт, поднес к свету и внимательно осмотрел.

– Почерк Порлока, – задумчиво произнес он. – Хотя видел я его всего дважды, в этом нет сомнений. У буквы «е» вверх характерная завитушка. Но раз Порлок пишет, значит, случилось нечто чрезвычайно важное.

Холмс скорее думал вслух, чем обращался ко мне, однако мое раздражение сменилось любопытством, вызванным его словами.

– Кто же такой Порлок? – спросил я.

– Порлок, Уотсон, это *nom-de-plum*¹, просто-напросто условное обозначение, но за ним скрывается изворотливый, неуловимый человек. В предыдущем письме он откровенно признался, что это не подлинная фамилия, и предложил мне попытаться отыскать его среди миллионов жителей этого громадного города. Порлок значителен, но не сам по себе, а благодаря связи с замечательным человеком. Представьте себе рыбу-лоцмана с акулой, шакала со львом – нечто ничтожное в обществе грозного; не только грозного, Уотсон, но и опасного – в высшей степени опасного. Вот почему он входит в круг моих интересов. Вы слышали от меня о профессоре Мориарти?

– Ученом-преступнике, столь же известном в уголовном мире, сколь...

– Пощадите мою скромность, Уотсон, – укоризненно пробормотал Холмс.

– Я только хотел сказать – сколь неизвестном общественности.

– В точку! Прямо в точку! – воскликнул Холмс. – Уотсон, у вас появляется язвительный юмор, мне придется научиться защищаться от него. Однако, называя Мориарти преступником, вы с точки зрения закона клевете – в этом вся соль! Величайший интриган всех времен, организатор всех серьезных преступлений, руководящий мозг уголовного мира, способный возвеличивать или губить государства, – вот что представляет собой этот человек! Но он настолько вне подозрений, обладает такой безупречной репутацией, так хитер и так умеет держаться в тени, что мог бы привлечь вас к суду за ваши слова и взыскать с вас сумму, равную вашей годовой пенсии, в виде возмещения за причиненный ему моральный ущерб. Разве он не прославленный автор «Динамики астероида», книги, восходящей к таким высотам чистой

---

¹ Псевдоним (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

математики, что никто в научной прессе не способен критиковать ее? Разве можно чернить такого человека? Злоязычный врач и оклеветанный профессор – таковы были бы ваши роли. Он гений, Уотсон. Но если меня не будут отвлекать менее значительные преступники, день нашего торжества непременно настанет.

– Как бы мне хотелось этого! – самозабвенно воскликнул я. – Но вы говорили о Порлоке.

– Ах да, так называемый Порлок представляет собой звено цепи, недалекое от ее замечательного начала. Между нами, не особенно прочное. Единственный ее изъян, насколько я могу судить.

– Но цепь не прочнее самого слабого звена.

– Вот именно, мой дорогой Уотсон! Поэтому письмо Порлока чрезвычайно важно. Под воздействием зачаточных стремлений к добру и получаемой время от времени окольными путями десятифунтовой ассигнации он несколько раз снабжал меня сведениями высочайшей ценности, позволяющими предотвратить преступление, а не карать за него. Не сомневаюсь, будь у нас шифр, мы нашли бы в этом письме сообщение подобного рода.

Холмс опять положил письмо поверх тарелки с нетронутым завтраком. Я встал, наклонился над ним и уставился на странную надпись:

534 C2 13 127 36 31 4 17 21 41

Дуглас 109 293 5 37 Бирлстоун

26 Бирлстоун 9 47 171

– Холмс, что это, по-вашему?

– Наверняка попытка сообщить секретные сведения.

– Но какой смысл в зашифрованном сообщении без шифра?

– В настоящий момент никакого.

– Почему вы говорите «в настоящий момент»?

– Потому что многие шифры я разбираю так же легко, как недостоверные сведения в газетных объявлениях с просьбой о помощи: столь грубый прием дает пищу уму, не утомляя его. Но тут другое дело. Это наверняка обозначение слов на странице какой-то книги. Пока не знаю, какая страница и какая книга, я бессилен.

– Тогда с какой стати написано «Дуглас» и «Бирлстоун»?

– Явно потому, что на данной странице этих слов нет.

– В таком случае почему Порлок не указал книгу?

– Ваша врожденная практичность, Уотсон, та природная сообразительность, которая восхищает ваших друзей, наверняка не позволила бы вам положить сообщение и шифр в один конверт. Если почтальон перепутает адрес, вы погибли. А в данном случае, если оба письма не попадут по ошибке в одни и те же руки, нет никакой опасности. Уже наступило время второй доставки почты, и я удивлюсь, если почтальон не принесет либо объяснительного письма, либо, что более вероятно, того самого тома, к которому относятся эти цифры.

Расчеты Холмса оправдались через несколько минут. Билли, наш слуга, появился с письмом, которого мы ожидали.

– Тот же почерк, – заметил Холмс, вскрыв конверт, – и подпись, – добавил он, развернув письмо. – Дела идут на лад, Уотсон.

Но когда он просмотрел содержание письма, его лицо омрачилось.

– Вот те на, какая досада! Кажется, все наши ожидания пошли прахом. Надеюсь, с Порлоком ничего не случится. Вот что он пишет:

«Уважаемый мистер Холмс. Я выхожу из игры. Это очень опасно – он подозревает меня. Я вижу, что подозревает. Он явился ко мне совершенно неожиданно, когда я только написал адрес на этом конверте с намерением отправить Вам ключ к шифру. Я успел прикрыть адрес. Если бы он увидел его, мне пришлось бы плохо. Но я заметил в его глазах подозрительность. Прошу Вас, сожгите зашифрованное письмо, теперь оно Вам не нужно. Фред Порлок».

Холмс посидел немного, вертя в пальцах письмо, потом, нахмурясь, посмотрел в камин.

– Возможно, – заговорил он наконец, – опасения Порлока беспочвенны. Допускаю, что дело только в его нечистой совести. Сознывая, что стал предателем, Порлок вообразил, что видит обвинение в глазах другого.

– Другой, полагаю, это профессор Мориарти.

– Совершенно верно! Когда кто-то из того круга говорит о «нем», понятно, кто имеется в виду. Для всех них существует один-единственный господствующий «он».

– Но что может сделать Мориарти?

– Гм! Непростой вопрос. Когда против тебя один из лучших умов Европы и его поддерживают все силы тьмы, число возможностей бесконечно. Во всяком случае, Фред Порлок явно перепуган до смерти – будьте добры, сравните почерк в письме и на конверте, надписанном, по его словам, до этого зловещего визита. Первый четкий и ясный. Второй едва разборчивый.

– Зачем он вообще писал это письмо? Почему просто не бросил свою затею?

– Боялся, что я в таком случае стану наводить о нем справки и, возможно, навлеку на него беду.

– Да. Конечно. – Взяв зашифрованное сообщение, я склонился над ним. – Мучительно сознавать, что, может быть, этот лист бумаги содержит важный секрет, но постичь его свыше человеческих сил.

Шерлок Холмс отодвинул тарелку с нетронутым завтраком и закурил трубку с крепким табаком, неизменную спутницу его самых глубоких размышлений.

– Любопытно! – произнес он, откинувшись назад и глядя в потолок. – Не исключено, что тут есть детали, ускользнувшие от вашего макиавеллиевского ума. Давайте рассмотрим проблему в свете чистого разума. Порлок отсылает нас к какой-то книге. Книга – наш исходный пункт.

– Весьма условный.

– Тогда посмотрим, можно ли его конкретизировать. Когда я сосредоточиваюсь на этой проблеме, она кажется не столь уж неразрешимой. Какие у нас есть указания относительно этой книги?

– Никаких.

– Полноте, дело обстоит не так уж скверно. Зашифрованное сообщение начинается с цифры пятьсот тридцать четыре, так ведь? Можно предположить, что это номер страницы, к которой относится шифр. Таким образом, нужная нам книга – толстая, вот мы уже кое-чего добились. Какие указания у нас есть о характере этой толстой книги? Следующий знак – С2. Что, по-вашему, он означает, Уотсон?

– Несомненно, вторую статью.

– Вряд ли, Уотсон. Уверен, вы согласитесь со мной, что, если страница известна, номер статьи не важен. И что если пятьсот тридцать четвертая страница находится во второй статье, первая должна быть невыносимо длинной.

– Столбец! – воскликнул я.

– Блестяще, Уотсон. Сегодня вы очень проницательны. Если это не столбец, я очень заблуждаюсь. Итак, видите, мы уже представляем себе толстую книгу с текстом, напечатанным в два столбца; они длинные, поскольку одно из слов обозначено цифрой двести девяносто три. Достигли мы пределов того, к чему может привести нас разум?

– Боюсь, что да.

– Право же, вы несправедливы к себе. Блесните еще, мой дорогой Уотсон! Будь этот том необычным, Порлок прислал бы его. Но прежде чем планы Порлока нарушились, он хотел отправить в этом конверте ключ к шифру. Так сказано в письме. Это указывает на то, что, по его мнению, нужную книгу я найду без труда. Она у него есть, и он решил, что у меня должна быть тоже. Словом, Уотсон, это весьма обычная книга.

– Ваши слова звучат убедительно.

– Вот мы и сузили поле поисков до толстой, широко распространенной книги с текстом, напечатанным в два столбца.

– Библия! – торжествующе воскликнул я.

– Хорошо, хорошо, Уотсон! Только, пожалуй, не слишком хорошо. Даже если бы я принял на свой счет этот комплимент, то едва ли мне удалось бы назвать какую-либо книгу, менее подходящую для того, чтобы сообщник Мориарти держал ее у себя под рукой. Кроме того, издания Библии весьма многочисленны, и Порлок вряд ли полагал, что все они имеют одинаковую нумерацию страниц. Нужная нам книга наверняка стандартная. Порлок, конечно, знает, что его пятьсот тридцать четвертая страница полностью соответствует моей.

– Но таких книг очень мало.

– Совершенно верно. В этом наше спасение. Наши поиски свелись к стандартным книгам, которые могут быть у каждого.

– Брадшо²!

– Сомневаюсь, Уотсон. Лексикон Брадшо выразителен и изыскан, но ограничен. Подбор слов едва ли годится для передачи обыденных сообщений. Брадшо мы исключим. Биографический словарь, боюсь, неприемлем по той же причине. В таком случае что остается?

– Альманах!

– Превосходно, Уотсон! Если вы не попали в цель, значит, я совершил ошибку. Альманах! Давайте рассмотрим Уитейкера³. Он широко распространен. В нем есть нужный номер страницы. Текст напечатан в два столбца. Хотя вначале лексикон там скудный, под конец, если мне не изменяет память, он становится весьма обширным. – Холмс взял том со своего письменного стола. – Страница пятьсот тридцать четвертая, второй столбец, обширный текст, речь в нем идет о торговле и ресурсах Британской Индии. Записывайте слова, Уотсон! Тринадцатое слово «Махратта». Что-то не слишком обнадеживающее начало. Сто двадцать седьмое – «правительство»; по крайней мере имеет смысл, хотя никак не связано с нами и профессором Мориарти. Посмотрим дальше. Что делает махраттское правительство? Увы! Следующие слова «свиная щетина». Мы погибли, мой дорогой Уотсон. Это конец!

Холмс говорил шутливым тоном, но подергивание его густых бровей выдавало разочарование и раздражение. Я, беспомощный и подавленный, сидел, глядя в камин. Долгое молчание было нарушено внезапным восклицанием Холмса, он бросился к шкафу и достал оттуда еще один том в желтом переплете.

– Мы расплачиваемся, Уотсон, за то, что чересчур современны! Идем в ногу со временем и несем обычное наказание. Поскольку сегодня седьмое января, мы, естественно, взяли новый альманах. А Порлок наверняка пользовался старым. Несомненно, он уведомил бы нас об этом,

---

² Имеется в виду справочник расписания всех железных дорог Великобритании. Издавался с 1839 по 1961 год в Манчестере (по фамилии первого издателя Джорджа Брадшо).

³ Имеется в виду ежегодный справочник общей информации; содержит также сведения о зарубежных странах. Издается с 1868 года. Полное название «Альманах Уитейкера».

если бы написал объяснительное письмо. Посмотрим, что уготовано нам на пятьсот тридцать четвертой странице. Тринадцатое слово «существует», оно сулит гораздо больше надежд. – Глаза Холмса блестели от волнения, тонкие нервные пальцы подрагивали, когда он отсчитывал слова. – «Опасность». Ха! Ха! Отлично! Записывайте, Уотсон. «Существует опасность – может – произойти – очень – скоро – некий». Далее следует фамилия Дуглас. «Богатый – сельский – сейчас – в – Бирлстоун – доверие – необходимо». Ну вот, Уотсон! Что скажете о чистом разуме и его плодах? Будь у зеленщика лавровый венок, я бы отправил за ним Билли.

Я изумленно смотрел на непонятное сообщение, которое записал под диктовку Холмса, держа на колене лист бумаги.

– Какой странный, корявый способ выражать мысли!

– Напротив, Порлок великолепно справился со своей задачей, – возразил Холмс. – Когда ищите слова для выражения своих мыслей в одном столбце текста, вряд ли найдете все нужные. Приходится полагаться на сообразительность адресата. Суть вполне ясна. Замышляется какое-то преступление против некоего Дугласа, живущего в Бирлстоуне богатого сквайра. Порлок уверен: понятие «доверие» – это самое близкое, что он нашел к «доверенному лицу», – необходимо. Вот результат – мы провели первоклассный анализ!

Холмс, как истинный художник, бескорыстно радовался своим удачам и мрачно хмурился, когда не достигал в работе того высокого уровня, к которому стремился. Он все еще удовлетворенно посмеивался, когда Билли открыл дверь и впустил в комнату Макдональда, инспектора из Скотленд-Ярда.

Давно минули те дни конца восьмидесятых годов, когда Алек Макдональд не пользовался, как теперь, всеобщей известностью. Он был молодым, но заслуживающим доверия полицейским, отличившимся в расследовании нескольких порученных ему дел. Рослый, худощавый, Макдональд производил впечатление очень сильного физически человека; глубоко посаженные блестящие глаза, пронизательно смотревшие из-под кустистых бровей, свидетельствовали об остром уме. Этот немногословный педантичный человек с угрюмым характером имел сильный абердинский акцент.

Холмс дважды помогал ему добиваться успеха. Единственная же награда моего друга была в том, что он испытывал радость, решив сложную проблему. Шотландец питал к своему коллеге-любителю глубокую привязанность и почтение. Выражал он их с той же откровенностью, с какой консультировался у Холмса при каждом затруднении. Посредственность не знает ничего выше себя, но талант мгновенно признает гения, а Макдональд обладал талантом полицейского в достаточной мере, чтобы понимать: не унижительно просить помощи у человека, превосходящего всех в Европе как одаренностью, так и опытом. Холмс не имел склонности к дружбе, но доброжелательно относился к рослому шотландцу и, увидев его, улыбнулся.

– Ранняя вы пташка, мистер Мак, – сказал он. – Кто рано встает, того удача ждет. Боюсь, кому-то это предвещает беду.

– Мистер Холмс, если бы вы сказали «надеюсь», а не «боюсь», это было бы ближе к истине, – с понимающей улыбкой ответил инспектор. – Ну что ж, пожалуй, капля виски в промозглый утренний холод не повредит. Нет, спасибо, я не курю. Мне нужно спешить: утренние часы в расследовании дела драгоценны, вы знаете это лучше, чем кто бы то ни было. Только... только...

Инспектор внезапно умолк и в крайнем изумлении уставился на лежавший на столе лист бумаги. Тот самый, на котором я записал загадочное сообщение.

– Дуглас! – воскликнул он. – Бирлстоун! Что это, мистер Холмс? Черт возьми, это волшебство! Во имя всего святого, откуда у вас эти имена?

– Это шифр, который нам с доктором Уотсоном удалось разгадать. Но почему... что такого в этих именах?

Инспектор ошеломленно переводил взгляд с меня на Холмса.

– Только то, – ответил он, – что мистер Дуглас, владелец бирлстоунского помещичьего дома, ночью был зверски убит!

Глава 2

Шерлок Холмс ведет беседу

Наступила одна из тех драматических минут, ради которых жил мой друг. Было бы преувеличением сказать, что его потрясло или хотя бы взволновало это неожиданное сообщение. В необычном характере Холмса не было и следа жестокости, но от долгой работы над расследованием преступлений он очерствел. Однако хотя его эмоции притупились, ум работал очень деятельно. Поэтому Холмс не выразил и тени того ужаса, который ощутил я при этом кратком сообщении. На лице Холмса угадывалась спокойная, сдержанная заинтересованность химика, наблюдающего, как из перенасыщенного раствора выпадают кристаллы.

– Поразительно! – сказал он. – Поразительно!

– Вас как будто это вовсе не удивило.

– Только заинтересовало, мистер Мак. С какой стати мне удивляться? Я получил из надежного источника анонимное предупреждение, что некоему человеку угрожает опасность. Не прошло и часа, как я узнаю, что опасность реализовалась и этот человек мертв. Я заинтересован, но, как вы заметили, не удивлен.

В нескольких лаконичных фразах Холмс уведомил инспектора о письме и шифре. Макдональд сидел, подперев руками голову, его густые рыжеватые брови сошлись на переносице.

– Я сейчас направлялся в Бирлстоун, – сказал инспектор, – и заглянул по пути спросить, не поедете ли вы со мной – вы и ваш друг. Но, исходя из ваших слов, мы, пожалуй, добьемся больших успехов в Лондоне.

– Не думаю, – ответил Холмс.

– Черт побери, мистер Холмс! – воскликнул инспектор. – Через день-другой газеты будут трубить о бирлстоунской тайне, но где же тайна, если в Лондоне есть человек, заранее предсказавший это преступление? Нужно только арестовать его, и дальше все пойдет как по маслу.

– Несомненно, мистер Мак. Но как вы предполагаете арестовать так называемого Порлока?

Макдональд перевернул конверт, взятый у Холмса.

– Письмо отправлено из Кэмберуэлла⁴ – это мало что нам дает. Фамилия, вы говорите, вымышленная. Да, сведений кот наплакал. Вы, кажется, упоминали о том, что посылали ему деньги?

– Два раза.

– Каким образом?

– Наличными, в кэмберуэллское почтовое отделение.

– Не потрудились посмотреть, кто приходил за ними?

– Нет.

На лице инспектора отразились недоумение и легкое возмущение.

– Почему?

– Потому что всегда держу слово. Получив первое письмо, я пообещал, что не буду пытаться выследить его.

– Полагаете, за ним кто-то стоит?

– Я знаю, что да.

– Тот профессор, о котором вы говорили?

– Совершенно верно!

Инспектор Макдональд улыбнулся, и его веки дрогнули, когда он бросил на меня взгляд.

---

⁴ Жилой район в южной части Лондона.

– Не скрою, мистер Холмс, мы в Департаменте уголовного розыска считаем, что вы слегка помешались на этом профессоре. Я сам навел о нем справки. Он производит впечатление весьма почтенного, образованного и талантливого человека.

– Рад, что вы признали, что он талантлив.

– Да этого нельзя не признать! Узнав ваше мнение о нем, я поставил себе цель увидеться с ним. Мы разговаривали о солнечных затмениях. Понять не могу, как разговор зашел о них, но он взял рефлекторный фонарь, глобус и все объяснил за минуту. Дал мне почитать книжку, но, признаюсь, я ничего в ней не понял, хотя получил в Абердине хорошее образование. С таким худощавым лицом, седыми волосами и внушительной манерой говорить из него получился бы замечательный проповедник. Когда при расставании он положил мне на плечо руку, это походило на отцовское благословение перед тем, как отправить сына в холодный жестокий мир.

Холмс усмехнулся и потер руки.

– Замечательно! – сказал он. – Превосходно! Скажите, Макдональд, этот приятный и трогательный разговор происходил, полагаю, в кабинете профессора?

– Да.

– Великолепная комната, не так ли?

– Да, поистине превосходная, мистер Холмс.

– Вы сидели перед его письменным столом?

– Совершенно верно.

– Солнце светило вам в глаза, а его лицо оставалось в тени?

– Собственно, тогда уже стемнело, но я обратил внимание, что лампа была повернута в мою сторону.

– Этого следовало ожидать. Случайно, не заметили картину над головой профессора?

– Я мало что упускаю из виду, мистер Холмс. Вероятно, научился этому у вас. Да, я видел эту картину – молодая женщина, подперев голову руками, смотрит на тебя искоса.

– Ее написал Жан-Батист Грез.

Инспектор выказал интерес.

– Жан-Батист Грез, – продолжал Холмс, сведя кончики пальцев и откинувшись на спинку стула, – французский художник, пользовавшийся большим успехом с тысяча семьсот пятидесятого по тысяча восьмисотый год. Я имею в виду, разумеется, творческий период. Современные критики оценивают его еще выше, чем современники.

Взгляд инспектора стал рассеянным.

– Не лучше ли нам...

– Мы этим и занимаемся, – перебил его Холмс. – Все, о чем я говорю, важно и имеет прямое отношение к тому, что вы назвали бирлстоунской тайной. Собственно, в определенном смысле это можно назвать ее средоточием.

Макдональд слабо улыбнулся и умоляюще взглянул на меня.

– Я не успеваю за вашей мыслью, мистер Холмс. Вы пропускаете звено-другое, и мне не удастся преодолеть этот разрыв. Какая, скажите на милость, может быть связь между умершим художником и бирлстоунским убийством?

– Сыщику может пригодиться всякое знание, – заметил Холмс. – Даже тот незначительный факт, что в восемьсот шестьдесят пятом году картина Греза, названная «Девушка с ягненком», была продана в Порталисе за миллион двести тысяч франков – это больше сорока тысяч фунтов, – наводит на размышления. – И правда, лицо инспектора выразило неподдельный интерес. – Напомню вам, – продолжал Холмс, – что размеры жалования профессора легко установить по нескольким достоверным справочникам. Оно составляет семьсот фунтов в год.

– Тогда как же он мог купить...

– Вот именно! Как?

– Да, это удивительно, – задумчиво произнес инспектор. – Продолжайте, мистер Холмс. Мне доставляет большое удовольствие слушать вас. Просто замечательно!

Холмс улыбнулся. Ему всегда доставляло удовольствие искреннее восхищение – это характерная черта подлинного художника.

– А как же Бирлстоун? – спросил он.

– Время еще есть, – ответил инспектор, взглянув на часы. – У дверей ждет кеб, он за двадцать минут довезет нас до вокзала Виктория. Но об этой картине: вы, кажется, говорили, мистер Холмс, что ни разу не встречались с профессором Мориарти.

– Ни разу.

– Откуда же вы знаете о его комнатах?

– Это другой разговор. Я трижды бывал у профессора, дважды дожидаясь его под надуманными предлогами и уходил до его возвращения. Один раз... пожалуй, я не стану рассказывать полицейскому об этом. Тогда я позволил себе просмотреть его бумаги – и получил совершенно неожиданные результаты.

– Нашли что-нибудь компрометирующее?

– Ничего. Вот что поразило меня. Но вы теперь поняли значение этой картины. Судя по ней, Мориарти очень богат. Откуда у него богатство? Он не женат. Младший брат его – начальник железнодорожной станции в западной Англии. Должность профессора приносит семьсот фунтов в год. Однако ему принадлежит картина Греза.

– И что же?

– Вывод совершенно ясен.

– Вы хотите сказать, что он добывает большой доход противозаконным образом?

– Именно. Разумеется, у меня есть и другие основания так считать – десятки незначительных нитей неприметно ведут к центру паутины, где таится неподвижное ядовитое существо. Я упомянул о Грезе только потому, что картину вы сами видели.

– Ну что ж, мистер Холмс, то, что вы говорите, очень интересно, более чем интересно – поразительно. Только нельзя ли чуть пояснее? Что приносит ему доходы – подлоги, печатание фальшивых денег, кражи со взломом?

– Читали когда-нибудь о Джонатане Уайлде?

– Имя как будто знакомое. Персонаж из какого-то романа, да? Я невысокого мнения о сыщиках из романов – людях, которые находят преступников и не дают понять как. Это вдохновение, а не работа.

– Джонатан Уайлд не персонаж романа и не был сыщиком. Это знаменитый преступник, живший в середине прошлого века.

– Тогда мне он ни к чему. Я практичный человек.

– Мистер Мак, вы совершили бы самый практичный поступок, если бы заперлись на три месяца и читали по двенадцать часов в день анналы преступности. Все идет по кругу – даже профессор Мориарти. Джонатан Уайлд был тайным авторитетом лондонских преступников, наставлял их и организовывал за пятнадцать процентов комиссионных. Старое колесо повернулось, и поднялась та же спица. Все это было раньше и будет снова. Я сообщу вам кой-какие сведения о Мориарти, которые могут заинтересовать вас.

– Наверняка заинтересуют.

– Мне удалось узнать, кто является первым звеном в его цепи – с этим избравшим преступный путь Наполеоном на одном конце и сотней разношерстных грабителей, карманников, шантажистов и шулеров на другом, с всевозможными преступлениями посередине. Его начальник штаба – полковник Себастьян Моран, такой же отчужденный, осмотнительный и недоступный закону, как и он. Как думаете, сколько Мориарти платит ему?

– Хотелось бы услышать.

– Шесть тысяч фунтов в год. Плата за мозги, видите ли, – американский деловой принцип. Эту подробность я узнал совершенно случайно. Премьер-министр получает меньше. Что дает вам представление о барышах Мориарти и о масштабах его деятельности. Другой пример: недавно я задался целью проследить за чеками Мориарти – самыми обыкновенными чеками, которыми он оплачивает счета. Они выписаны на шесть различных банков. Производит это на вас впечатление?

– Странно, конечно! Но какой из этого следует вывод?

– Мориарти не хочет, чтобы распространились слухи о его богатстве. Никто не должен знать, велико ли его состояние. Не сомневаюсь, у этого человека двадцать банковских счетов; большая часть денег скорее всего за границей, во Франции или в Германии. Рекомендую со временем заняться изучением жизни профессора Мориарти, когда сможете уделить этому год-другой.

По ходу разговора инспектор поражался все больше и больше, забывая обо всем остальном. Теперь практичный шотландский ум мгновенно вернул его к насущному делу.

– Мориарти подождет, – сказал он. – Мистер Холмс, вы увели нас в сторону своими интересными рассказами. Важно только ваше замечание, что между профессором и этим убийством существует какая-то связь. Это вы узнали из полученного от Порлока предупреждения. Можем мы сделать для неотложных практических целей еще какие-то выводы?

– Да, выдвинуть версии мотивов преступления. Тут, как я понял из ваших слов, необъяснимое или по крайней мере необъясненное убийство. Так вот, если исходить из предположения, что распоряжение об убийстве отдал тот, кого мы подозреваем, могут существовать два мотива. Во-первых, уверяю вас, Мориарти правит в уголовном мире железной рукой. Дисциплина у него потрясающая. В его кодексе предусмотрена лишь одна кара. Смерть. И можно предположить, что жертва – этот самый Дуглас, о готовящемся убийстве которого знал один из подчиненных архипреступника, каким-то образом предал главаря. Последовало наказание, и о нем оповестят всех остальных преступников – хотя бы для того, чтобы вселить в них страх смерти.

– Пока это одно предположение, мистер Холмс.

– Другое – Мориарти организовал убийство с корыстной целью. Похищено там что-нибудь?

– Не слышал.

– Если да, это будет противоречить первой гипотезе и подкреплять вторую. Мориарти мог организовать убийство, пообещав долю добычи, или заплатить за его совершение. И то и другое возможно. Но если тут какая-то третья комбинация, ответ нам нужно искать в Бирлстоуне. Хорошо зная этого человека, я не могу предположить, что он оставил в Лондоне какую-то ниточку, способную привести нас к нему.

– Тогда едем в Бирлстоун! – вскричал Макдональд, вскочив со стула. – Ого! Времени уже больше, чем я думал. Даю вам на сборы, джентльмены, не больше пяти минут.

– Этого вполне достаточно. – Холмс быстро поднялся, снял халат и надел пальто. – Мистер Мак, я попрошу вас рассказать мне по дороге все о случившемся.

«Всего» оказалось прискорбно мало, но достаточно для того, чтобы мы убедились: дело вполне достойно самого пристального внимания моего друга. Он повеселел и потирал руки, выслушивая скудные, но удивительные подробности. Долгая череда унылых недель осталась позади, наконец появилась достойная цель для приложения его уникальных способностей, которые, как все особые дарования, раздражают их обладателя, если не находят применения. От бездействия острый как бритва ум притупляется и слабеет.

Когда Холмса призывали к работе, глаза его начинали блестеть, бледные щеки покрывались легким румянцем, лицо оживлялось и светилось внутренним светом. Подавшись в киблю вперед, он напряженно слушал, как Макдональд кратко излагал проблему, ждавшую нас в Сус-

сексе. Инспектор объяснил, что сам он полагается на письменное сообщение, отправленное ему с ранним пригородным поездом. Уайт Мейсон, местный полицейский, был знаком с ним, поэтому Макдональд получил сообщение быстрее, чем обычно в Скотленд-Ярде, когда провинциалы нуждались в помощи столичных сыщиков. Большею частью их просили идти по уже простывшему следу.

*«Уважаемый инспектор Макдональд, – говорилось в письме, которое он прочел нам. – Официальная заявка на Ваши услуги находится в отдельном конверте. Это письмо личное. Телеграфируйте мне, каким утренним поездом приедете в Бирлстоун, и я встречу Вас или поручу кому-нибудь встретить, если сам буду занят. Дело представляет собой самую головоломку. Не терпит ни минуты отлагательства. Если сможете привезти с собой мистера Холмса, пожалуйста, сделайте это. Мы сочли бы, что все устроено для театрального эффекта, если бы не покойник. Честное слово, это **сухая** головоломка».*

– Ваш приятель, кажется, неглупый человек, – заметил Холмс.

– Да, сэр. Уайт Мейсон очень сообразителен, насколько я могу судить.

– Можете еще что-нибудь добавить?

– Только то, что он сообщит нам все подробности, когда мы встретимся.

– Как вы узнали о мистере Дугласе и о том, что он зверски убит?

– Об этом сказано в закрытом служебном сообщении. Слова «зверски» там нет, это не общепринятый официальный термин. Имя Джон Дуглас указано. Говорится, что смерть наступила вследствие выстрела в голову из дробовика. Указан и час, когда раздался выстрел, – незадолго до полуночи. Добавлено, что тут, несомненно, убийство, но ареста не произведено, и дело имеет необычные и озадачивающие особенности. Вот и все, чем мы пока располагаем, мистер Холмс.

– Тогда, с вашего разрешения, остановимся на этом, мистер Мак. Искушение строить предварительные версии, основываясь на неполных данных, губительно в нашей профессии. В настоящее время я отчетливо вижу только два факта – исключительный ум в Лондоне и труп в Суссексе. Между этими крайними точками мы будем вести поиск звеньев цепи.

Глава 3

Трагедия в Бирлстоуне

Теперь позвольте оставить на время в стороне мою скромную персону и описать события, произошедшие до нашего приезда, в свете более поздней информации. Только так я могу дать возможность читателю представить себе участников событий и своеобразное окружение, где решалась их судьба.

Деревня Бирлстоун представляет собой небольшое и очень древнее скопление деревянно-кирпичных домов на северной границе графства Суссекс. Она веками оставалась неизменной, но в последние годы ее живописный вид и местоположение привлекли нескольких богатых жителей, чьи виллы проглядывают из окружающих рощ. Местные люди считают эти рощи краем громадного Уилдского леса, редющего по мере того, как он достигает северных известковых холмов. Здесь появилось несколько лавочек, чтобы удовлетворять нужды возросшего населения, поэтому есть вероятность, что Бирлстоун вскоре превратится из стародавней деревни в современный город. Он является центром значительной части графства, поскольку Танбридж-Уэллс, ближайшее большое село, находится в десяти – двенадцати милях к востоку, за границей Кента.

Примерно в полумиле от деревни, в старом парке, знаменитом громадными буками, стоит древний помещичий дом. Часть этого достопочтенного строения восходит к временам первого Крестового похода, когда Хьюго де Капус выстроил замок в центре поместья, пожалованного ему Рыжим королем⁵. В тысяча пятьсот сорок третьем году его уничтожил пожар, и кое-какие закопченные угловые камни нашли применение, когда в царствование Якова Первого⁶ на развалинах феодального замка поднялся кирпичный помещичий дом с множеством фронтонов и узкими ромбовидными окнами.

Он мало изменился с начала семнадцатого столетия. Его более воинственный предшественник был окружен двумя рвами с водой, внешний высох и приобрел скромное назначение огорода. Внутренний, сорока футов в ширину, хотя глубиной всего около трех, до сих пор полностью огибает дом. По нему протекает уходящий за его пределы ручей, поэтому вода там хоть и мутная, но не стоячая и не вредная для здоровья. Окна цокольного этажа находятся всего в футах над ней.

Подойти к дому можно только по подъемному мосту, ворот и цепи его давно заржавели и вышли из строя. Однако последние владельцы дома, люди предприимчивые, починили этот механизм; вечерами они регулярно поднимали мост и опускали по утрам. Благодаря возрождению обычая древних феодальных времен дом ночами становился островом – данный факт имеет самое прямое отношение к той тайне, которая вскоре привлечет внимание всей Англии.

Дом несколько лет оставался без владельца, и ему угрожала опасность превратиться в живописные руины, когда его купили Дугласы. Семья состояла всего из двух человек – Джона Дугласа и его жены. Дуглас был весьма своеобразной личностью. Представьте себе мужчину лет пятидесяти, с мощным подбородком, огрубевшим лицом, седеющими усами, удивительно добрым взглядом, худощавого и крепкого, ничуть не утратившего силы и подвижности юности. Приветливый и сердечный со всеми, Дуглас, однако, не отличался изяществом манер, и это заставляло предполагать, что он жил среди гораздо более низких слоев общества, чем суссекское поместное дворянство.

Хотя более культурные соседи взирали на него со сдержанным любопытством, он быстро завоевал симпатии жителей деревни тем, что щедро жертвовал деньги по подписке на все мест-

---

⁵ Вильгельм Второй Рыжий, английский король (1056–1100).

⁶ Яков Первый (1566–1625) правил с 1603 года.

ные цели, посещал их небольшие концерты и другие церемонии, где, обладая звучным тенором, всегда был готов порадовать собравшихся превосходной песней. Денег у него, по-видимому, было много; ходили слухи, что Дуглас разбогател на золотых приисках в Калифорнии, и по их с женой разговорам было ясно, что какую-то часть жизни он провел в Америке.

Хорошее впечатление, которое Дуглас производил щедростью и демократичностью, усиливало его полнейшим пренебрежением к опасности. Скверный наездник, он являлся на все охотничьи сборы и мужественно переносил падения из седла, чреватые повреждением головы, лишь бы не отставать от зверя. Когда в доме приходского священника случился пожар, Дуглас тоже проявил бесстрашие: он бросился в горящий дом за вещами, хотя местная пожарная команда считала это невозможным. Вот так – меньше чем за пять лет – Джон Дуглас снискал в Бирлстоуне хорошую репутацию.

Миссис Дуглас тоже пользовалась симпатией у знакомых; правда, по английскому обыкновению, гости у чужаков, поселившихся в графстве без представлений, бывали нечасто. Для нее это не имело никакого значения, так как она была необщительна и, судя по всему, поглощена мужем и домашними делами. Знали, что она англичанка и познакомилась с мистером Дугласом, в то время вдовцом, в Лондоне. Миссис Дуглас, красивая, темноволосая, стройная, была лет на двадцать моложе мужа, но разница в возрасте как будто не омрачала их семейного согласия.

Однако те, кто хорошо знал супругов, иногда говорили, что доверие между ними, видимо, неполное, поскольку жена либо проявляет скрытность по поводу прошлой жизни мужа, либо, что вероятнее, мало осведомлена о ней. Некоторые наблюдательные люди поговаривали, что миссис Дуглас иногда проявляет признаки нервозности и выказывает острое беспокойство, если муж долго не возвращается. В сельской глуши, где жители падки на сплетни, эти особенности владелицы помещичьего дома не остались незамеченными и пришли всем на память, когда произошли события, придавшие им особую значимость.

Следует упомянуть еще об одном человеке, который, правда, жил под этим кровом лишь время от времени, но чье присутствие при тех странных событиях, о которых идет рассказ, заставило людей говорить о нем. Это Сесил Джеймс Баркер из Хэмпстеда.

Рослый гибкий Сесил Баркер примелькался на главной улице Бирлстоуна; он был частым и желанным гостем в помещичьем доме. Особое внимание к себе Сесил привлекал тем, что был единственным другом мистера Дугласа по прошлой, неизвестной, жизни. Теперь он появлялся в его новом английском окружении. Сам Баркер был, несомненно, англичанином, но по его репликам стало ясно, что он познакомился с Дугласом в Америке и тесно подружился с ним. Он казался весьма состоятельным человеком и, судя по всему, холостяком.

Баркер был моложе Дугласа – не старше сорока пяти лет. Он был широкоплечий, с прямой осанкой и с чисто выбритым лицом профессионального боксера, крепко сложенный, сильный, с черными бровями и такими властными черными глазами, что даже без помощи железных рук мог проложить себе дорогу через враждебно настроенную толпу. Сесил не ездил верхом и не охотился, проводил дни, гуляя с трубкой во рту по старой деревне или разъезжая по живописным окрестностям вместе с хозяином дома, а в его отсутствие – с хозяйкой. «Добросердечный, щедрый джентльмен, – отзывался о нем Эймс, дворецкий. – Но клянусь, не хотел бы я встать ему поперек дороги!» Он был сердечным и задушевым с Дугласом, находился в не менее дружеских отношениях с его женой – и не раз замечали, что эта дружба как будто вызывала у мужа недовольство. Раздражение его замечали даже слуги. Таков был третий человек, деливший кров с супругами, когда произошла катастрофа.

Что до прочих обитателей старого дома, достаточно упомянуть чопорного, представительного, знающего свое дело Эймса и миссис Аллен, добродушную, веселую женщину, помогавшую хозяйке в домашних хлопотах. Остальные шестеро слуг не имеют никакого отношения к событиям ночи с шестого на седьмое января.

В крохотном местном полицейском участке, которым руководил сержант Уилсон, о случившемся стало известно в двадцать три сорок пять. Донельзя взволнованный Сесил Баркер подбежал к двери и начал всю звонить в нее. «В помещичьем доме произошла чудовищная трагедия, убит Джон Дуглас», – сообщил он, тяжело дыша. И поспешил назад к дому. Сержант, немедленно оповестив власти графства о случившемся, последовал за ним через несколько минут и появился на месте преступления чуть позже полуночи.

В доме сержант нашел подъемный мост опущенным, окна светящимися, а всех обитателей в состоянии крайнего смятения и тревоги. Бледные слуги толпились в вестибюле, перепуганный дворецкий заламывал руки, стоя в дверях. Только Сесил Баркер владел собой; он открыл ближайшую к парадному входу дверь и жестом пригласил сержанта следовать за ним. Тут подошел доктор Вуд, бодрый и хорошо знающий свое дело. Эти трое вместе вошли в роковую комнату. Пораженный ужасом дворецкий поспешил за ними и закрыл за собой дверь, чтобы не допускать туда слуганок.

Покойник лежал навзничь посреди комнаты, раскинув руки и ноги. На нем был розовый халат поверх пижамы, на голых ступнях – ковриковые шлепанцы. Врач опустился подле него на колени и снял со стола керосиновую лампу. Едва взглянув на жертву, он понял, что в его присутствии необходимости нет. Изранен Дуглас был жутко. На его груди лежало странное оружие – дробовик с отпиленными в футе от спусковых крючков стволами. Не вызывало сомнений, что выстрел из него произведен в упор, весь заряд угодил в лицо убитому и едва не разнес череп. Спусковые крючки связали проволокой, чтобы выстрел дуплетом был наверняка смертоносным.

Сельский полицейский, расстроенный и встревоженный столь внезапно свалившейся на него проблемой, тихо сказал:

– До приезда моего начальства ни к чему прикасаться не следует. – Он с ужасом смотрел на страшную голову.

– Здесь ничего не тронуто, – заметил Сесил Баркер. – Ручаюсь. Все точно в том же виде, как я обнаружил убитого.

– Когда это случилось? – Сержант вынул блокнот.

– В половине двенадцатого я еще не раздевался, сидел у камина в своей спальне и вдруг услышал выстрел. Не очень громкий – как бы приглушенный. Я бросился вниз – оказался здесь, наверное, меньше чем за полминуты.

– Дверь была открыта?

– Да. Бедняга Дуглас лежал таким, как вы его видите. На столе горела свеча из спальни. Лампу зажег я через несколько минут.

– Вы никого не видели?

– Никого. Я услышал, как миссис Дуглас спускается по лестнице, и выбежал, чтобы она не видела этого ужасного зрелища. Подошла миссис Аллен, экономка, и увела ее. Появился Эймс, и мы с ним снова вошли сюда.

– Но я слышал, что мост поднимают на всю ночь.

– Да, он был поднят, пока я не опустил его.

– Как же убийца убежал? Это невозможно! Мистер Дуглас, должно быть, застрелился сам.

– Это первое, что пришло нам в голову. Однако смотрите! – Баркер отодвинул штору и показал, что высокое ромбовидное окно распахнуто настежь. – И взгляните на это! – Он взял лампу и осветил на подоконнике кровавый след ботинка. – Кто-то, убегая, ступил сюда!

– По-вашему, кто-то перешел через ров?

– Верно!

– Но если вы были в комнате меньше чем через полминуты после выстрела, он должен был еще находиться в воде.

– Конечно. Я очень жалею, что не бросился к окну. Но оно было закрыто шторой, как вы видели, и мне это не пришло в голову. Потом послышались шаги миссис Дуглас, я не мог допустить ее сюда. Это было бы ужасно.

– Еще бы не ужасно! – подтвердил врач, глядя на изуродованную голову. – После столкновения поездов в Бирлстоуне я не видел подобных повреждений.

– Но послушайте, – медленно заговорил сержант. Здравый смысл подсказывал ему, что преступление связано с раскрытым окном. – Вы убедительно заметили, что кто-то ушел отсюда, перебравшись через ров, однако хочу спросить вас, как он попал в дом, если мост был поднят?

– Да, вот это вопрос, – отозвался Баркер.

– В котором часу его подняли?

– Около шести.

– Я слышал, – сказал сержант, – что обычно его поднимают при заходе солнца. В это время года оно заходит в половине пятого.

– Миссис Дуглас пригласила гостей к чаю, – вмешался Эймс. – Я не мог поднять мост, пока они не ушли. Потом поднял его.

– Тогда получается вот что, – продолжал рассуждать сержант. – Если кто-то пришел снаружи – *если*, – он должен был перейти через мост до шести часов и прятаться, пока мистер Дуглас в двенадцатом часу не вошел в эту комнату.

– Точно! Мистер Дуглас каждую ночь обходил дом, перед тем как взглянуть, горят ли фонари. Для этого он заходил сюда. Этот человек поджидал его и застрелил. Потом удрал через окно, бросив здесь свое оружие. Я так представляю это себе, потому что все остальное противоречит фактам.

Сержант поднял визитную карточку, валявшуюся на полу возле трупа. На ней были грубо выведены чернилами инициалы Д.В. и цифра 341.

– Что это? – спросил он, держа ее на виду.

Баркер с любопытством посмотрел на нее.

– Никогда не видел таких раньше. Должно быть, ее оставил убийца.

– Д.В. триста сорок один. Ничего не понимаю. – Сержант продолжал вертеть карточку в пальцах. – Что за Д.В.? Может, чьи-то инициалы. Что вы нашли там, доктор Вуд?

Это был большой молоток, лежавший на коврике перед камином. Сесил Баркер указал на коробку гвоздей с медными шляпками, стоявшую на каминной полке.

– Мистер Дуглас вчера менял картины, – пояснил он. – Я сам видел, как он, стоя на этом стуле, поправлял большую картину над камином. Поэтому молоток и оказался здесь.

– Положите его на коврик. – Сержант недоуменно почесывал затылок. – Понадобятся лучшие умы полиции, чтобы разобраться с этим делом. Придется обращаться в Лондон. – Эй! – взволнованно крикнул он, отодвинув в сторону штору. – В котором часу их задержали?

– Когда зажгли лампы, – ответил дворецкий. – Вскоре после четырех.

– Здесь кто-то прятался, это точно. – Сержант опустил лампу, и в углу явственно обозначились следы грязных ботинок. – Должен сказать, мистер Баркер, что это подтверждает вашу версию. Похоже, человек вошел в дом после четырех, когда шторы были задернуты, но до шести, когда был поднят мост. Он прокрался в эту комнату, так как увидел ее первой. Другого места, чтобы спрятаться, не было, поэтому он встал за эту штору. Все это представляется очевидным. Вероятно, этот человек намеревался обокрасть дом, но мистер Дуглас наткнулся на него, поэтому он убил мистера Дугласа и бежал.

– По-моему, вы правы, – сказал Баркер. – Но не теряем ли мы зря драгоценное время? Нельзя ли обыскать округу, пока убийца не скрылся?

Сержант на минуту задумался.

– Поездов до шести утра нет, так что он не может уехать по железной дороге. Если пойдет по шоссе с мокрыми ногами, его могут заметить. Сам я, пока меня не сменят, не имею права уйти отсюда. Но думаю, и никому из вас не следует уходить, пока мы не поймем, что к чему.

Врач взял лампу и начал тщательно осматривать тело.

– Что это за знак? – спросил он. – Нет ли тут связи с убийством?

Рука покойного высовывалась из рукава халата по локоть. На середине предплечья виднелся странный коричневый рисунок, треугольник в круге, резко выделявшийся на белой коже.

– Это не татуировка, – заметил врач. – Никогда не видел ничего подобного. Человека заклеямили раскаленным железом: так клеймят скот. Каков смысл этого знака?

– Не знаю, какой в нем смысл, – ответил Сесил Баркер, – но за последние десять лет я много раз видел этот знак на руке Дугласа.

– Я тоже, – сказал дворецкий. – Каждый раз, когда хозяин засучивал рукава, я видел этот знак и часто задумывался, откуда он.

– В таком случае никакого отношения к убийству знак не имеет, – заявил сержант. – Однако это странная штука. В этом деле все странное. Ну, а теперь что?

Издав удивленное восклицание, дворецкий указал на вытянутую руку покойного.

– Снято обручальное кольцо! – произнес он, тяжело дыша.

– Что?

– Да, снято. Хозяин всегда носил золотое обручальное кольцо на безымянном пальце левой руки. Этот перстень с грубым самородком был поверх него, а кольцо со змейкой на среднем пальце. Самородок на месте и змейка на месте, а обручальное кольцо исчезло.

– Он прав, – подтвердил Баркер.

– Так, значит, – спросил сержант, – обручальное кольцо было *под* перстнем?

– Всегда.

– Значит, убийца сначала снял перстень, потом обручальное кольцо, а затем снова надел перстень.

– Вот именно!

Степенный сельский полицейский покачал головой:

– Похоже, чем скорее мы привлечем лондонцев, тем лучше. Уайт Мейсон – умный человек. Справлялся со всеми местными делами. Он скоро придет нам на помощь. Но думаю, обратиться в Лондон все-таки придется. Во всяком случае, не стыжусь сказать, что таким, как я, это дело не по зубам.

Глава 4

Потемки

Начальник сыскной полиции Суссекса приехал в три часа ночи по срочному вызову сержанта Уилсона в легкой коляске со взмыленным рысаком. С поездом, отходящим в пять сорок пять, он отправил сообщение в Скотленд-Ярд и в двенадцать часов встретил нас на станции Бирлстоун. Уайта Мейсона, спокойного, безмятежного человека в просторном твидовом костюме, с чисто выбритым румяным лицом, полноватого, с сильными кривыми ногами в гетрах, можно было принять за мелкого фермера, ушедшего на покой лесника или кого угодно, только не за весьма положительного сотрудника провинциальной уголовной полиции.

– Головоломка, да и только, мистер Макдональд, – то и дело повторял он. – Газетчики, когда поймут это, налетят сюда, как мухи. Надеюсь, мы закончим работу прежде, чем они сунут нос в дело и затопчут все следы. Подобного происшествия я не припомню. Там есть то, что произведет на вас впечатление, мистер Холмс, если не ошибаюсь. И на вас, доктор Уотсон. Медикам придется сказать свое слово до того, как мы завершим расследование. Вам заказан номер в гостинице «Уэствилл армз». Другой здесь нет, но я слышал, что она чистая и уютная. Ваши вещи понесет этот человек. Сюда, джентльмены, прошу вас.

Этот суссекский сыщик был очень хлопотливым и радушным. Через десять минут мы оказались в своем номере, а еще через десять сидели в гостиной, выслушивая краткий очерк событий, описанных в предыдущей главе. Макдональд время от времени делал записи; Холмс же весь обратился в слух, на лице его отражалось удивление и благоговейное восхищение, как у ботаника, разглядывающего редкий, прекрасный цветок.

– Великолепно! – воскликнул он, когда рассказ закончился. – Просто замечательно! Вряд ли я припомню дело с более своеобразными особенностями.

– Я надеялся, что вы так скажете, мистер Холмс, – заметил донельзя обрадованный Уайт Мейсон. – Мы в Суссексе идем в ногу со временем. Я рассказал вам, как обстояли дела, пока я не сменил сержанта Уилсона между тремя и четырьмя часами. Право же, я заставил старую кобылу побегать! Но в такой спешке не было нужды: меня не ожидало ничего безотлагательного. Сержант Уилсон собрал все факты. Я проверил их, обдумал и, кажется, прибавил к ним еще несколько.

– Каких? – нетерпеливо осведомился Холмс.

– Ну, для начала осмотрел молоток. Там был доктор Вуд, он помогал мне. На бойке мы не обнаружили никаких следов крови. Я полагал, что если мистер Дуглас защищался молотком, то оставил бы отметину на убийце. Но там ни пятнышка.

– Это, разумеется, ничего не доказывает, – заметил инспектор Макдональд. – Немало убийств совершено молотком, а на нем не оставалось следов.

– Верно. Это не доказывает, что его не пускали в ход. Но там могли быть пятна, и они сослужили бы нам службу. Увы, их не было. Потом я осмотрел ружье. Стволы заправлены картечными патронами, и сержант Уилсон указал, что спусковые крючки связаны проволокой, поэтому, если нажать задний, выстрелят оба ствола. Тот, кто это сделал, опасался совершить промах. Обрез длиной не больше двух футов – его легко спрятать под пальто. Полной фамилии изготовителя нет, но в ложбинке между стволами есть печатные буквы «П-е-н», остальное отпилено.

– Большое «П» с завитушкой наверху, «е» и «н» поменьше? – спросил Холмс.

– Точно.

– «Пенсильванская оружейная компания» – известная американская фирма, – пояснил мой друг.

Уайт Мейсон уставился на него, как скромный сельский врач на специалиста с Харли-стрит⁷, способного одним словом разрешить трудности, загнавшие его в тупик.

– Это очень полезно знать, мистер Холмс. Вы, несомненно, правы. Поразительно! Поразительно! Вы храните в памяти названия всех на свете оружейных фирм? – Холмс отмахнулся. – Дробовик наверняка американский, – продолжал Уайт Мейсон. – Я где-то читал, что обрезам охотничьих ружей пользуются в некоторых частях Америки. Мне это вспомнилось независимо от надписи на стволах. Таким образом, есть основание считать, что человек, вошедший в дом и убивший хозяина, был американцем.

Макдональд покачал головой:

– Черт возьми, вы слишком спешите с выводами. Я пока не слышал оснований, позволяющих считать, что в дом входил кто-то посторонний.

– Открытое окно, кровь на подоконнике, странная визитная карточка, следы ботинок в углу, обрез!

– Все это можно подстроить. Мистер Дуглас был американцем или долго жил в Америке. Мистер Баркер тоже. Для того чтобы совершить убийство на американский манер, не нужен был американец со стороны.

– Эймс, дворецкий...

– Что скажете о нем? Он заслуживает доверия?

– Эймс десять лет служил у сэра Чарлза Чандоса, человек вполне надежный. У Дугласа он с тех пор, как тот купил помещичий дом пять лет назад. И ни разу не видел в доме такого оружия.

– Обрез делается затем, чтобы его можно было прятать. Он мог лежать в любой коробке. Как может Эймс показать под присягой, что в доме не было такого оружия?

– Ну, по крайней мере он ни разу не видел его.

Макдональд с шотландским упрямством покачал головой:

– Я пока не убежден, что в доме находился посторонний. Посудите сами, даст ли нам что-нибудь предположение, что обрез принесен в дом и все эти странные поступки совершены кем-то со стороны. Это просто немыслимо! Противоречит здравому смыслу! Согласитесь, мистер Холмс.

– В таком случае, мистер Мак, изложите свою версию, – бесстрастно предложил Холмс.

– Тот человек, если допустить, что он существовал, не вор. Снятое кольцо и визитная карточка указывают на предумышленное убийство по каким-то личным мотивам. Далее. Человек тайно пробирается в дом с намерением убить хозяина. Он хорошо знает, что уйти ему будет трудно, поскольку дом окружен рвом с водой. Какое оружие он выберет? Разумеется, самое бесшумное. Потом, сделав дело, он надеется быстро вылезти в окно, перейти ров и преспокойно скрыться. Это понятно. Но ведь он повел бы себя совершенно нелогично, если бы взял самое шумное оружие, какое только есть, прекрасно зная, что на выстрел сразу же сбегутся все в доме и его вполне могут увидеть, пока он будет переходить через ров. Мистер Холмс, правдоподобно ли это?

– Ну что ж, свою версию вы изложили ясно, – задумчиво ответил мой друг. – Она, разумеется, требует множества подтверждений. Скажите-ка, мистер Мейсон, вы стали сразу же искать на противоположной стороне рва следы человека, вылезшего из воды?

– Никаких следов не было, мистер Холмс. Но там каменный выступ, поэтому они вряд ли остались бы.

– Не обнаружили ни намека?

– Нет.

---

⁷ Харли-стрит – улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей-консультантов.

– Ха! Не возражаете, мистер Мейсон, если мы немедленно отправимся к дому? Вдруг там найдется какая-то малость, наводящая на размышления.

– Я собирался предложить это, мистер Холмс; но подумал, что сначала стоит ознакомить вас с фактами. Полагаю, если что-то привлечет ваше внимание... – Уайт Мейсон с сомнением посмотрел на сыщика-любителя.

– Я уже работал с мистером Холмсом, – сказал инспектор Макдональд. – Он ведет честную игру.

– По крайней мере ту, какую считаю честной, – улыбнулся Холмс. – Я берусь за дело для того, чтобы помочь правосудию и работе полиции. Если подчас я и отдалялся от представителей закона, то потому, что они отдалялись от меня первыми. У меня нет ни малейшего желания отличаться за их счет. Вместе с тем, мистер Мейсон, я требую, чтобы мне дали право использовать свои методы и сообщить вам результаты, когда сочту нужным – не по крупицам, а полностью.

– Мы, разумеется, польщены вашим присутствием, мистер Холмс, и поделимся с вами всем, что знаем, – искренне сказал Уайт Мейсон. – Пойдемте, доктор Уотсон, мы все надеемся, что со временем вы напишете и о нас.

Мы шли причудливой деревенской улицей с рядами подрезанных вязов по обе стороны. В конце ее стояли два древних каменных столба, покрытых дождевой влагой и лишайниками. Бесформенные изображения наверху были некогда вставшими на задние лапы львами Капуса Бирлстоунского. Короткий путь по извилистой подъездной аллее с такой травой и дубами вокруг, какие увидишь только в сельской Англии, затем резкий поворот, и нашим взорам предстали длинный невысокий дом эпохи Якова Первого, сложенный из потемневшего красного кирпича, и старомодный сад с подрезанными тисами. Подойдя поближе, мы увидели деревянный подъемный мост и прекрасный широкий крепостной ров, блестящий, как ртуть, в холодном свете зимнего солнца.

Три столетия пронеслись над старым помещичьим домом, столетия рождений и возвращений домой, народных танцев и сборов охотников на лис. Странно, что теперь эта мрачная история бросила тень на его освященные веками стены. Однако же причудливые остроконечные крыши и вычурные выступающие фронтоны представляли собой подходящий фон для таинственной жуткой интриги. При взгляде на глубоко сидящие окна и широкий размах тусклого, омываемого водой фасада я почувствовал, что для подобной трагедии трудно найти более подходящую сцену.

– Вот это окно, – сказал Уайт Мейсон, – ближайшее справа к подъемному мосту, открыто, как и прошлой ночью.

– Оно кажется слишком узким для того, чтобы в него мог пролезть человек.

– Толстяк – да. Это ясно, мистер Холмс, и без ваших умозаключений. Но вы или я вполне могли бы в него протиснуться.

Мой друг подошел к краю рва и посмотрел на другую его сторону. Потом внимательно изучил каменный выступ и травяную кромку за ним.

– Я хорошо обследовал это место, мистер Холмс, – сообщил Уайт Мейсон. – Здесь ничто не указывает на то, что кто-то вылез из рва, но зачем ему было оставлять следы?

– Вот именно. Зачем? Вода здесь всегда мутная?

– Обычно да. Ручей несет глину.

– Он глубокий?

– Около двух футов по краям и три посередине.

– Значит, можно отвергнуть мысль, что, переходя его, человек утонул.

– Конечно, в нем не мог бы утонуть и ребенок.

Мы прошли по подъемному мосту, и нас впустил в дом странный, корявый, иссохшийся человек – дворецкий Эймс. Бедный старик был бледен и дрожал. Случившееся потрясло его.

Деревенский сержант, рослый, церемонный, унылый, все еще дежурил в роковой комнате. Врач ушел.

– Есть что-нибудь новое, сержант Уилсон? – спросил Уайт Мейсон.

– Нет, сэр.

– Тогда идите домой. Вы здесь долго пробыли. Если понадобится, мы вас вызовем. Дворецкий пусть ждет снаружи. Скажите ему, пусть предупредит мистера Сесила Баркера, миссис Дуглас и экономку, что, возможно, нам вскоре придется поговорить с ними. Теперь, джентльмены, пожалуй, я изложу свои выводы, а потом вы изложите свои.

На меня этот провинциальный полицейский производил хорошее впечатление. Он цепко схватывал факты и обладал холодным, ясным, практическим умом, благодаря которому продвинулся по службе. Холмс слушал его внимательно, не выказывая признаков раздражения в отличие от инспектора Макдональда.

– Убийство это или самоубийство – наш первый вопрос, не так ли, джентльмены? Если самоубийство, придется допустить, что этот человек снял и спрятал обручальное кольцо, потом в халате спустился сюда, натоптал в углу за шторой, желая создать впечатление, будто там кто-то поджидал его, открыл окно, измазал кровью подоконник...

– Эту версию можно сразу отвергнуть, – перебил его Макдональд.

– Я так и думаю. Самоубийство исключается. Значит, было совершено убийство. Нам нужно установить, совершил его человек со стороны или кто-то из обитателей дома.

– Хорошо, изложите ваши соображения.

– Обе версии имеют значительные трудности, однако произошло либо одно, либо другое. Для начала предположим, что преступление совершено лицом или лицами, обитающими в доме. Они позвали хозяина в кабинет, когда все было тихо, но никто не спал. Потом, словно оповещая всех о случившемся, убили его из самого странного и шумного на свете оружия, которого никто никогда не видел в доме. Это не очень вероятно, верно?

– Верно.

– В таком случае все согласятся, что от силы через минуту после выстрела все обитатели дома, а не только мистер Сесил Баркер, хоть он и говорит, что оказался там первым, но и Эймс, и слуги сбежались в ту комнату. Не мог же преступник за столь краткое время наскрести ботинками в углу, раскрыть окно, измазать подоконник кровью, снять с пальца убитого обручальное кольцо и так далее. Это немыслимо!

– Вы очень ясно все изложили, – сказал Холмс. – Я склонен согласиться с вами.

– Тогда остается версия, что убийство совершил кто-то со стороны. Здесь мы тоже сталкиваемся с трудностями, но все-таки немыслимыми их назвать нельзя. Убийца проник в дом между половиной пятого и шестью, то есть в промежутке между наступлением сумерек и поднятием моста. В доме находились гости, дверь была открыта; таким образом, препятствия отсутствовали. Может, это был обычный вор, или этот человек имел личные счеты с мистером Дугласом. Поскольку мистер Дуглас большую часть жизни провел в Америке и обрел это, судя по всему, американское оружие, личные счеты – наиболее правдоподобная версия. Убийца юркнул в эту комнату, так как увидел ее первой, и спрятался за шторой. Там он оставался до двенадцатого часа ночи. В это время мистер Дуглас вошел в комнату. Разговор у них, если и состоялся, был кратким, поскольку, по словам миссис Дуглас, выстрел прозвучал через несколько минут после того, как ее муж вышел из спальни.

– Подтверждением тому служит свеча, – вставил Холмс.

– Вы правы. Новая свеча сгорела не больше чем на полдюйма. Видимо, мистер Дуглас поставил ее на стол до выстрела, иначе упал бы вместе с ней. Значит, его застрелили не сразу после того, как он вошел в комнату. Когда там появился мистер Баркер, свеча горела, а лампа нет.

– Все это совершенно ясно.

– Ну вот, таким образом, мы можем воссоздать случившееся по этим фактам. Мистер Дуглас входит. Ставит на стол свечу. Из-за шторы появляется человек, вооруженный обрезаем. Он требует обручальное кольцо – бог весть зачем, но, должно быть, именно так все и было. Мистер Дуглас отдает его. Потом то ли хладнокровно, то ли со страху мистер Дуглас схватил молоток, найденный на ковре. Этот человек стреляет в мистера Дугласа, бросает свое оружие и эту странную визитную карточку с загадочной надписью «Д.В. триста сорок один» и убегает через раскрытое окно и через ров в ту минуту, когда Сесил Баркер обнаруживает преступление. Что скажете, мистер Холмс?

– Весьма интересно, но не очень убедительно.

– Приятель, это было бы сущей ерундой, не будь все остальное еще хуже! – воскликнул Макдональд. – Мистера Дугласа кто-то убил, и кто бы это ни был, я могу четко доказать вам, что он действовал как-то иначе. С какой стати он допустил, чтобы для ухода оставалось лишь несколько секунд? С какой стати пользовался обрезаем, когда только тишина позволяла ему скрыться? Слово за вами, мистер Холмс, дайте нам ключ к решению задачи, вы же сказали, что версия мистера Уайта Мейсона неубедительна.

Холмс внимательно слушал этот долгий разговор, не упуская ни слова, бросал острые взгляды по сторонам и морщил лоб в раздумье.

– Мне бы хотелось установить еще несколько фактов перед тем, как создать версию, мистер Мак. – Он опустился на колени возле трупа. – Господи! Какие ужасные раны. Не позволите ли на минуту дворецкого?.. Эймс, как я понимаю, вы часто видели этот весьма необычный знак – треугольник внутри круга – на предплечье мистера Дугласа?

– Часто, сэр.

– Ни разу не слышали предположений о том, что он означает?

– Нет, сэр.

– Очевидно, было очень больно, когда его наносили. Он наверняка выжжен. И я вижу, Эймс, на углу челюсти мистера Дугласа кусочек пластыря. Видели вы его, когда он был жив?

– Да, сэр, он порезался, бреясь вчера утром.

– Раньше такое случалось?

– Нет, сэр.

– Наводит на размышления! – заметил Холмс. – Не исключено, что это случайность, но может свидетельствовать и о нервозности, указывающей на то, что у него была причина чего-то опасаться. Эймс, вы не заметили вчера в поведении хозяина ничего необычного?

– Мне показалось, что он слегка обеспокоен и взволнован, сэр.

– Так! Возможно, нападение было не совсем неожиданным. Кажется, мы слегка продвигаемся вперед, не правда ли? Мистер Мак, может, вы предпочтете задавать вопросы?

– Нет, мистер Холмс, куда мне до вас.

– В таком случае переходим к визитной карточке – «Д.В. триста сорок один». Это шероховатый картон. Видели когда-нибудь в доме такие?

– Как будто нет.

Холмс подошел к письменному столу и вылил из каждого чернильного пузырька чуточку чернил на промокательную бумагу.

– Нанесена надпись не в этой комнате, – констатировал он. – На карточке чернила черные, а здесь фиолетовые. Она сделана толстым пером, а здесь тонкие. Нет, ее нанесли в другом месте. Эймс, можете что-нибудь сказать об этой надписи?

– Нет, сэр, ничего.

– Мистер Мак, что думаете вы?

– Она наводит на мысль о каком-то тайном обществе, знак на руке тоже.

– И я так считаю, – сказал Уайт Мейсон.

– Итак, примем это за рабочую гипотезу и посмотрим, что станет с нашими трудностями. Посланец этого общества пробирается в дом, поджидает мистера Дугласа, едва не сносит ему голову выстрелом из обреза и скрывается бегством через ров, оставив возле трупа карточку; когда о ней упомянут в газетах, остальные члены общества поймут, что месть свершилась. Все логично. Но почему такой выбор оружия?

– Вот именно.

– И почему исчезло кольцо?

– Совершенно верно.

– И почему не произведен арест? Уже третий час. Уверен, с рассвета каждый констебль в радиусе сорока миль высматривает чужака в мокрой одежде.

– Вы правы, мистер Холмс.

– Так вот, если у него нет поблизости убежища или он не приготовил смену одежды, полицейские вряд ли не заметили его. И однако до сих пор не заметили! – Холмс подошел к окну и осмотрел через лупу кровавый след на подоконнике. – Это явно отпечаток подошвы. На редкость широкий; наводит на мысль, что у мужчины плоскостопие. Странно, потому что следы в этом истоптанном углу как будто более правильной формы. Правда, очень нечеткие. Что это под пристенным столом?

– Гантели мистера Дугласа, – ответил Эймс.

– Гантель здесь только одна. Где вторая?

– Не знаю, мистер Холмс. Может, ее и не было. Я несколько месяцев не видел их.

– Одна гантель... – серьезно заговорил Холмс, но его прервал резкий стук в дверь.

Перед нами предстал рослый, загорелый, чисто выбритый человек крепкого сложения. Я сразу догадался, что это Сесил Баркер, так как слышал о нем. Его властные глаза вопросительно перебегали от лица к лицу.

– Извините, что прервал ваше совещание, – сказал он, – но вам нужно узнать последнюю новость.

– Арест?

– Нет, к сожалению. Но тут нашли велосипед этого человека. Он бросил его. Идите взгляните. Это всего в сотне ярдов от парадной двери.

Мы увидели на подъездной аллее нескольких слуг и каких-то бездельников, они разглядывали велосипед, обнаруженный в купе сосен. Старый «радж-уитворт» оказался забрызган грязью от долгой езды, к нему была прикреплена сумка для инструментов, в которой находились гаечный ключ и масленка. Ничто не указывало на владельца.

– Полиции было бы гораздо легче, – заговорил инспектор Макдональд, – если бы эти штуки регистрировались и нумеровались. Что ж, придется довольствоваться тем, что есть. Если мы не в силах узнать, куда делся этот человек, то по крайней мере выясним, откуда он появился. Но во имя всего святого, что заставило его бросить велосипед? И как он без него скрылся? Мистер Холмс, кажется, в этом деле нет ни проблеска света.

– Вот как? – задумчиво ответил мой друг. – Не знаю, не знаю.

Глава 5

Участники драмы

– Вы видели в кабинете все, что хотели? – спросил Уайт Мейсон, когда мы вернулись в дом.

– Пока да, – ответил инспектор, и Холмс кивнул.

– Тогда, пожалуй, стоит выслушать показания кое-кого из обитателей дома. Расположиться лучше в столовой. Эймс, пожалуйста, зайдите первым и расскажите, что знаете.

Рассказ дворецкого, простой и ясный, казался вполне искренним. Эймс получил свою должность пять лет назад, когда Дуглас только приехал в Бирлстоун. Он слышал, что Дуглас – богатый джентльмен, сколотивший состояние в Америке. Дуглас был добрым, заботливым хозяином. Пожалуй, Эймс привык к несколько иному отношению, но нельзя же получить все. Мистер Дуглас никогда не проявлял признаков страха; напротив, был самым бесстрашным из всех, кого знал Эймс. Подъемный мост он приказал поднимать каждую ночь, потому что это давняя традиция старого дома, а он соблюдал старинные обычаи.

Мистер Дуглас редко ездил в Лондон или покидал деревню, однако накануне убийства делал покупки в Танбридж-Уэллс. В тот день Эймс заметил, что мистер Дуглас чем-то обеспокоен и взволнован. Он проявлял раздражительность, чего за ним обычно не водилось. В ту ночь Эймс не ложился в постель; он укладывал серебряную посуду в буфетной в задней части дома, когда раздался громкий звон колокола. Выстрела не слышал, да и вряд ли мог услышать, потому что буфетная и кухня находятся в глубине дома, за длинным коридором и несколькими закрытыми дверями. Экономка, привлеченная звоном, вышла из своей комнаты. Они направились в переднюю часть дома вместе.

Дойдя до лестницы, они увидели спускавшуюся миссис Дуглас. Нет, она не спешила; по мнению Эймса, она не была взволнованна. Когда она достигла последней ступеньки, из кабинета выбежал мистер Баркер. Он остановил миссис Дуглас.

– Ради Бога, вернись в свою комнату! – воскликнул он. – Бедняга Джек убит! Ты ничем ему не поможешь. Ради Бога, вернись!

Уступив его настояниям, миссис Дуглас вернулась. Она ни разу не вскрикнула. Миссис Аллен, экономка, повела ее наверх и осталась с ней в спальне. Эймс и мистер Баркер после этого пошли в кабинет, где нашли все в том самом виде, в каком это предстало перед полицейскими. Свеча была погашена, но лампа горела. Они выглянули в окно, но в такую темную ночь ничего не было видно. Потом они поспешили в вестибюль, где Эймс, вращая ворот, опустил подъемный мост. Мистер Баркер побежал за полицией.

Таковы были показания дворецкого.

Рассказ миссис Аллен подтверждал слова Эймса. Комната экономки находится ближе к передней части дома, чем буфетная, где работал Эймс. Она собиралась лечь спать, когда ее внимание привлек громкий звон колокола. Миссис Аллен туговата на ухо. Может, потому не слышала выстрела, да и кабинет находится далеко. Помнится, она уловила какой-то звук, но приняла его за хлопанье двери. Это было раньше – по крайней мере за полчаса до того, как зазвонил колокол. Мистер Эймс быстро шел к передней части дома, и она последовала за ним. Увидела выходящего из кабинета мистера Баркера, очень бледного и взволнованного. Он остановил спускавшуюся по лестнице миссис Дуглас. Просил ее вернуться обратно, она что-то ответила ему, но слов ее они с Эймсом не расслышали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.